

УДК 329, 324

DOI: 10.17223/1998863X/47/20

Я.Ю. Шашкова

ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПАРТОГЕНЕЗА

Динамика и тенденции развития российской партийной системы, ее современная конфигурация анализируются с позиций мировой дискуссии об изменении партий и их роли в обществе, их модели в семантическом пространстве российской политики, расстановки партийно-политических сил. Особое внимание уделено кадровому потенциалу и особенностям функционирования партий на региональном уровне.

Ключевые слова: партийная система, Россия, трансформация партий, выборы, функции партий.

Политические трансформации, особенно сопровождаемые импортом институтов, всегда порождают проблему «приживаемости» этих институтов, согласования содержания и тенденций их развития в странах-донорах и странах-реципиентах. И хотя в России политические партии возникли еще во второй половине XIX в., законодательно были разрешены в 1905 г., современную российскую партийную систему необходимо рассматривать как элемент импорта институтов. Более того, формирование российской многопартийной системы в конце XX в. совпало с общей динамикой партий как политических институтов («party change»). В связи с этим создаваемые структуры ориентировались не на опыт прошлого, а на современные западные модели, соответствующие условиям информационного общества, адаптируя их к российским особенностям институциональной среды.

Прошедшие три десятилетия новейшего российского партотгенеза заставляют политологов оглянуться назад, осмыслить его итоги. В данной статье будут рассмотрены вопросы соответствия организационного состояния и функционирования российских партий, конфигурации российской партийной системы мировым трендам партийных трансформаций, намечены перспективы развития российской партийной системы.

1. Тенденции организационного развития российских партий

Организационную динамику российских партий в постсоветский период можно разделить на три этапа.

Первый этап условно продолжался с начала 1990-х гг. до 2001 г. Создававшиеся в этот период политические партии были немногочисленными, слабо представленными в регионах образованиями «клубного» типа, в основном ведущими электоральную деятельность и взаимодействующими с обществом посредством проводившихся перед выборами рекламных акций и кампаний. В своем функционировании они ориентировались на западную модель «электорально-профессиональных» партий [1. Р. 264], тем более что интенсивность избирательных кампаний того периода быстро сформировала в их сре-

де команды политтехнологов, адаптировавших западные избирательные технологии к российским условиям. Исключение составляла только КПРФ, сохранявшая модель классической массовой партии.

Второй этап охватывает 2001–2012 гг. Принятие Закона «О политических партиях в РФ» в 2001 г. вроде бы противоречило мировому тренду отхода от модели массовой партии, однако заставило российские партии срочно увеличивать свою численность, формировать региональные отделения, чтобы выполнить количественные требования закона. В итоге соответствующие установленным нормам партии приобрели национальный характер и постоянное присутствие в федеральных и региональных политических процессах.

Современный этап организационной динамики партий начался с 2012 г. и был связан с резким сокращением количественных требований к ним. И хотя основные российские партии не сократили свою численность, в их работе отчетливо прослеживается тренд на профессионализацию, переход от рекрутирования членов к взаимодействию с общественными организациями, что характерно для модели «новых кадровых» партий.

Данные процессы логично вписываются в мировые тренды «party change». Так, парламентские партии хоть и с российской спецификой, но во многом соотносятся с моделью картельной партии, при которой партийные элиты становятся частью государственного аппарата, усиливается дистанция между ними и массой рядовых членов и сторонников партий. Как отмечали Р. Кац и П. Мэйр, «обращаясь к государственным субсидиям, партии (т.е. их лидеры) становятся менее зависимыми от членов и других доноров» [2. С. 93], что приводит к «сдвигу во внутреннем балансе власти между тремя лицами партии – от рядовых членов к руководству и тем, кто занимает посты в государстве» [3. С. 53].

При этом тренд на дедемократизацию или псевдемократизацию внутрипартийной жизни (имитация внутрипартийной демократии) в российских партиях проявился более заметно, чем в западных партиях, еще на предыдущем этапе, когда резкое повышение нормативной численности партий заставляло их просто кооптировать в партийные ряды новых членов, иногда целыми коллективами, без их реальной интеграции и формирования партийной идентичности.

Намного более важными для партий в России остаются ресурсы поддерживающих их групп интересов и позиция исполнительной власти. Это приводит к сохранению партиями организационных форматов «акционерных обществ» и «франшизной партии» (см., например, [4]), позволяющих им относительно малозатратно обеспечивать функционирование региональных отделений и проведение избирательных кампаний. Именно по такому пути пошли «Справедливая Россия», ЛДПР и некоторые новые партии. В то же время это не может не сказаться на выполнении российскими партиями своих функций.

2. Трансформация функций российских партий в современной политике

Наибольшие изменения коснулись функций партий, их задач и роли в обществе. При этом российские партии опять же испытали влияние мировых процессов.

Все функции российских партий с позиций ведущейся дискуссии о роли партий в современной политике [5, 6] можно разделить на три группы: 1) сохраняющиеся традиционные функции; 2) формально сохраняющиеся, но меняющие свое содержание; 3) функции, которые партии перестали выполнять в современных условиях, а в постсоветской России не выполняли вообще.

2.1. Сохраняющиеся традиционные функции

В первую группу входят традиционные функции партий, которые они не только продолжают выполнять, но и делают это зачастую на монопольной основе.

Так, ключевую роль играют российские партии в электоральном процессе. Их предпочтения на выдвижение кандидатов были закреплены партийным законодательством 2001 г. (закон предоставил партиям монополию на «самостоятельное выдвижение кандидатов (списков кандидатов) в депутаты, на иные выборные должности в органах государственной власти»), а затем усилены переходом на смешанный принцип формирования региональных и части муниципальных представительных органов, а также отменой в 2007 и 2011 гг. мажоритарной составляющей выборов депутатов Государственной Думы РФ. И даже возврат смешанной избирательной системы на федеральных выборах 2016 г. не изменил ситуацию, тем более что предусмотренный для самовыдвиженцев способ регистрации – сбор подписей – не только требует значительных кадровых и финансовых ресурсов, но и является процессом «с непрогнозируемым финалом»: зачастую большую роль в нем играют поставленные перед избирательными комиссиями задачи на «зачистку» или формальное расширение электорального поля. В этих условиях гарантию участия в выборах дает только выдвижение от партии, причем освобожденной от необходимости сбора подписей. Если же самовыдвиженец успешно участвует в выборах, он, как правило, поддержан «Единой Россией» и имеет достаточно влияния в политической элите, чтобы формально дистанцироваться от партии власти.

Наглядным примером электоральной роли партий на региональном уровне может стать кейс Алтайского края. В ходе выборов в региональный парламент 2004 г. региональные отделения партии формировали партийные списки и выдвинули 42% кандидатов по одномандатным округам [7. С. 11]. В итоге доля партийных депутатов составила 75% общей численности против 48% в 2000 г. [7. С. 11]. На выборах 2016 г. партии, кроме списков, выдвинули 99% одномандатников, и только 1 из 68 депутатов нынешнего созыва имеет статус «самовыдвиженца» [8]. На выборах депутатов Государственной Думы РФ в Алтайском крае все зарегистрированные кандидаты по одномандатным округам были выдвинуты политическими партиями [9]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других регионах Западной Сибири.

Следующая функция в данной группе – участие в законотворческой деятельности. Как отмечал М. Кастельс, «партии исчерпали свой потенциал в качестве самостоятельных носителей социальных перемен. ... Однако они по-прежнему выступают в качестве важных инструментов, позволяющих преобразовывать требования общества в факторы политики» [10. С. 305].

В то же время существует российская специфика выполнения партиями данной функции. Формально, как следует из их статуса в электоральных про-

цессах, они выступают почти монопольным субъектом законотворческой деятельности, однако фактически с 2000-х гг. органы представительной власти утратили свои и без того незначительные позиции как центры принятия политических решений, превратившись в механизм ратификации решений, принятых другими акторами.

2.2. Функции, формально сохраняющиеся, но меняющие свое содержание

Вторую группу образуют функции, которые у партий сохранились, но наполнились новым содержанием или их реализация в нашей стране имеет существенную специфику. К ним относятся тесно связанные в современных условиях функции рекрутирования элит и представительства интересов.

Рекрутирование российскими партиями политической элиты выступает следствием усиления их электоральной функции. Однако реализуется она только посредством формирования партийной элиты как части политической элиты, а также депутатского корпуса. Отечественные партии либо не формируют исполнительную власть, либо участвуют в этом процессе эпизодически, что снижает их значимость для общества и групп интересов.

Профессионализация и маркетингизация современной политики в сочетании со снижением политической активности граждан обусловили встраивание российских партий в еще одну мировую тенденцию – перехода от «выращивания» своих элит к кооптированию. Политика стала более целерациональной и капиталоемкой, что потребовало привлечения к партийной работе профессиональных политтехнологов, юристов, менеджеров, специалистов по коммуникациям. Сегодня от партийных элит ожидают не просто реализации целей партий, а умения найти «оптимальный баланс между внутренними потребностями и вызовами окружающей среды», адаптировать к политической ситуации и «правилам игры» «размер» организации, «стиль управления, внутренние связи и отношения» [11. С. 34].

Рекрутирование же партиями депутатского корпуса, как и обеспечение функции представительства интересов, часто принимает форму «лифта» – превращения партий в канал прихода во власть представителей групп интересов. Как отмечала К. Лоусон, «тесные связи с массами более не кажутся необходимыми, так как партии профессионально осваивают инструментарий политического маркетинга, и лидеры победившей партии осуществляют политику, которая удовлетворяет прежде всего их наиболее влиятельных сторонников. Постепенно ослабляя связи, обеспечивающие политическое участие, партии обычно в определенной степени сохраняют отзывчивость, однако ответ на вопрос о том, на кого они реагируют, вовсе не обязательно является обнадеживающим для приверженцев демократии» [5. С. 32–33].

Кроме того, реализация партиями функции артикуляции и агрегирования общественных интересов затруднена сильной сегментацией последних. Недаром еще в 1970-е гг. партии приобрели «всеохватный» характер, обменяв «глубокую эффективность на более широкую электоральную аудиторию и непосредственный электоральный успех» [12. Р. 184–185].

Эффективность выполнения функции лифта конкретными российскими партиями существенно различается и зависит от их статуса в политической системе. В наибольшей степени данная функция реализуется «Единой Росси-

ей» за счет ее статуса партии власти, обеспечивающего влиятельным региональным политикам и бизнесменам упрочение их позиций, укрепление связей со структурами федеральной и региональной власти. Происходит взаимовыгодный обмен ресурсами: представители групп интересов используют свое положение для содействия «партии власти» на местах, обретая тем самым поддержку со стороны федерального центра [13. С. 163]. В меньшей степени – другими парламентскими партиями, и вообще не выполняется остальными партийными объединениями.

Этот тезис наглядно иллюстрируют данные о профессиональном составе фракций Алтайского краевого Законодательного Собрания созыва 2016 г. Так, 81% членов фракции «Единой России» (состоит из 42 депутатов) руководят предприятиями и организациями в сферах промышленного производства; строительства, энергетики и ЖКХ; сельского и лесного хозяйства; добывающей промышленности; транспорта; медицины и образования; финансового сектора. Из 6 депутатов от КПРФ 4 – работники партаппарата, 2 рабочих и 2 бизнесмена. Депутаты фракций ЛДПР и «Справедливой России» занимаются мелким или средним бизнесом, а также работают в учреждениях образования, здравоохранения, торговли и энергетики [14].

Реализация партиями функции рекрутирования элит, даже с указанной спецификой, позволяет им решать еще одну задачу – обновления элиты. Особенно сильно оно происходит в момент изменений «правил игры». Так, переход на смешанный принцип формирования региональных органов законодательной власти в 2002 г. привел к тому, что на выборах 2004 г. состав Алтайского краевого Законодательного Собрания обновился на 80% [7. С. 54–58]. Расширился также список партий, принимавших участие в формировании региональных legislatures. Во многих из них появились фракции ЛДПР, отсутствовавшие при выборах по мажоритарной системе. В 2011 г. в ряде регионов, в частности в Алтайском крае, было введено обязательное деление партийных списков на выборах депутатов Заксобраний на региональные группы. В итоге состав краевой legislatures обновился на 55%.

Другими факторами обновления состава депутатского корпуса выступают омоложение партийных выдвиженцев и ротация из-за внутрипартийных процессов. Именно по этим причинам в Алтайском краевом Законодательном Собрании созыва 2016 г. фракция КПРФ обновилась на 88%, фракция «Справедливой России» – на 60%, «Единой России» – на 54%. Самой устойчивой оказалась фракция ЛДПР – 67% ее нынешних членов заседало в прошлом созыве [15].

2.3. Функции, которые партии перестали выполнять в современных условиях

Третью группу образуют функции партий, практически исчерпавшие себя в современной политике как в западных странах, так и в России. К ним относятся функции мобилизации граждан, политической социализации и формирования идеологии общества.

Так, российские партии 1990-х гг. изначально очень хорошо вписались в мировой тренд на сокращение численности членов парторганизаций. В странах Западной Европы демассовизация партий стала следствием снижения их легитимности как института, переориентации части населения на граждан-

скую активность в рамках общественно-политических движений. Как образно заметил К. фон Бойме, «в постмодернистском обществе членство в партии – как и членство в церкви, какой-либо ассоциации или даже в браке – больше не является принадлежностью всей жизни. ...Люди входят в вагон, едут какое-то время и выходят, когда не видят причин ехать дальше» [16. Р. 147]. В нашей стране она стала реакцией на фактически принудительную массовость КПСС и общую деполитизацию населения в условиях экономического кризиса.

По мнению английских политологов А. Липоу и П. Сейда, масштабы выхода членов из партий были преувеличены, так как в предыдущий период массовые партии нередко завышали свою численность [17. С. 97]. Основными субъектами партийного государства по-прежнему остаются крупные партии, ушедшие от формата «массовых» партий, но по-прежнему обладающие значительными ресурсами, в том числе кадровыми. С этих позиций принятие Закона «О политических партиях в РФ» способствовало расширению мобилизационной работы российских партий.

Неоднозначные последствия для партий имело не требование об общей численности членов партии (их у крупных партий и так было больше необходимого), а минимальное число членов региональных отделений, которое с 2004 г. равнялось 500. Это заставляло партии, с одной стороны, фиктивно наращивать членство. С другой стороны, такое количество членов было не нужно уже сформировавшимся партийной элите и бюрократии, создавало угрозу появления новых лидеров или новых запросов внутри партии, нарушения сложившихся балансов сил и интересов. Итогом этого процесса стала уже упоминавшаяся псевдодемократизация партий, когда на массовых партийных собраниях, конференциях «пассивное большинство членов или сторонников партии с их молчанием, отсутствием способности к имевшему ранее место независимому (от руководства) существованию и их стремлением ориентироваться больше персонально на лидеров, чем на стоящую за ними политику, вполне может заглушить активистов» [2. С. 94].

Сокращение в 2012 г. нормативной численности партий до 500 человек (с минимальной численностью региональных отделений в 50 человек) снизило мобилизационную активность «старых» партий, уже имевших сложившиеся структуры. Большинство новых партий так и не смогло приобрести мобилизационные возможности или потенциал, о чем свидетельствует малочисленность их региональных отделений (от 2–5 до 45–50 человек). Совокупная же численность членов партий в России не превышает 3% избирателей.

Не способствует реализации российскими партиями мобилизационной функции и низкий уровень доверия им в массовом сознании. По данным Левада-центра, в 2013 г. 12% россиян были убеждены, что партии вполне заслуживают доверия, 46% – что не вполне и 33% – что они его совсем не заслуживают. В 2017 г. эти показатели составили 19, 46 и 27% соответственно [18].

С ограниченным мобилизационным потенциалом партий связана и утрата ими функции выработки идеологии и формирования массового сознания, что обусловлено ослаблением связей партий с ориентировавшимися на них социальными группами, а также снижением значимости размежеваний, лежавших в основе партийных систем.

Казалось бы, участие в выборах должно было стимулировать партии к идеологической работе, пусть не к аккумуляции и артикулированию интересов отдельных групп, а выявлению общезначимых проблем, что характерно для современных всеохватных партий. Но российские выборы давно не формируют «повестку дня», а партии не транслируют внятных программ и лозунгов, отражая общую деидеологизацию политических отношений. Идеология как цементирующее звено утрачивает свое влияние, уступая место личному выбору в процессе политической самоидентификации. По мнению А.И. Соловьева, идеология уступила место более частным способам оформления политических воззрений граждан, эмоционально-чувственным комплексам, мировоззренческим представлениям людей [19. С. 62]. Тем более что главным водоразделом российского общества стало размежевание «власть – невласть (общественность)» [20. С. 32–35; 21. С. 104].

В этих условиях идеологическая функция российских партий, как и в других странах, перешла к СМИ. По словам А.С. Ахременко, «если ранее партии сами выступали ключевым каналом информирования граждан по политическим проблемам и их электоральной мобилизации (через партийную печать и активистов), то сегодня эту функцию в гораздо большей степени выполняют СМИ» [22. С. 85]. Сегодня интерес к партийной прессе крайне незначителен, у партий, как правило, нет денег на радио и телеканалы. При этом, как показывает отечественный опыт, даже если необходимые ресурсы появляются, пропуском для партии в медиа-пространство может служить только лояльность действующему режиму.

Недостаточно эффективно используют российские партии и возможности интернет-ресурсов. «Партии, включая и оппозиционные, используют свои сайты достаточно примитивно, прежде всего, в качестве своих „визиток“» [23. С. 227]. Более того, в последние годы малые партии из-за необходимости оплаты хостинга и массового распространения социальных сетей вообще отказываются от сайтов и создают страницы в соцсетях. Чаще всего это страницы ВКонтакте, хотя молодежь, составляющая основу этой сети, вряд ли является их электоратом. Но и эти страницы зачастую не ведутся, ограничиваясь репостами каких-либо материалов с федеральной страницы, страницы лидера или просто по близкой партии тематике.

3. Будущее российской партийной системы

Почти семь лет, прошедших с момента последней партийной реформы, показали устойчивость сложившейся диспозиции партийных сил. Российская партийная система имеет четко выраженный пирамидальный характер с четырьмя уровнями включенности партий в политический процесс.

Первый уровень, самый широкий, образует значительная часть партийных проектов, возникших после либерализации партийного законодательства 2012 г. Они так и не сумели сформировать организационные структуры и не имеют ресурсов для ведения политической деятельности. Даже если за этот период они и пытались принять участие в выборах, эти попытки, эпизодические и неэффективные, могут быть расценены как продвижение представителей каких-либо групп интересов или способ привлечь внимание последних. В основном партии данного уровня будут ликвидированы в 2019 г.

Второй уровень образуют партии, регулярно участвующие в выборах, но с отрицательным результатом. Он достаточно неоднороден и включает в себя как партии-спойлеры (КПСС, «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость» и др.), так и непарламентские партии (Яблоко, Парнас), занимающие активную гражданскую позицию, обладающие сложившимися организациями и ведущие регулярную политическую деятельность.

Третий уровень занимают КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», которые как парламентские партии ведут полномасштабную политическую деятельность, имеют развитую региональную сеть, государственное финансирование, сложившиеся команды элит и активистов, но при этом тесно связаны с общественной средой.

И наконец, на четвертом уровне находится «Единая Россия», которая, как партия власти, обладает несопоставимо большими ресурсами и масштабами деятельности, однако в основном сосредоточена на техническом обеспечении процесса принятия государственных решений.

Учитывая значительность дистанций между уровнями, можно констатировать, что данный формат российской партийной системы вписывается в еще недавно доминировавший мировой тренд партогенеза – относительной устойчивости («подмерзания») партийных систем из-за стабилизации образующих их размежеваний (кливажей) и высокого входного барьера электорального рынка. Как будет развиваться эта ситуация в России в дальнейшем, станет понятно совсем скоро – по мере приближения парламентских выборов 2021 г. Ведь главной особенностью российского партогенеза выступают не динамика отдельных партий, а активная роль исполнительной власти в регулировании электорального рынка в интересах «Единой России».

Литература

1. *Panbianco A.* Political Parties: Organization and Power. New York : Cambridge University Press, 1988. 336 p.
2. *Кац Р.С., Мэйр П.* Картельная партия: возвращение к тезису // Политическая наука. 2010. № 4. С. 77–112.
3. *Игнаци П.* Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. 2010. № 4. С. 49–76.
4. *Carty K.* Parties as Franchise System: The Stratarchical Organizational Imperative // Party Politics. 2004. № 1. P. 5–24.
5. *Лоусон К.* Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. 2010. № 4. С. 29–48.
6. *Ишай Э.* Политические партии Израиля в эпоху глубоких перемен: проверка теории иррелевантности // Политическая наука. 2006. № 1. С. 81–101.
7. *Алтай-2004: выборы в краевые органы государственной власти.* Барнаул : Азбука, 2005. 62 с.
8. *Сведения о кандидатах, выдвинутых по одномандатным (многомандатным) избирательным округам. Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания седьмого созыва [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Алтайского края: сайт. Электрон. дан. Барнаул, 2016. URL: http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai Terr?action=show&root=1&tvd=22220001271939&vrn=22220001271939®ion=22&global=&sub_region=22&prver=0&pronetvd=0&type=220&number=1 (дата обращения: 10.06.2018).*
9. *Сведения о кандидатах, выдвинутых по одномандатным избирательным округам. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Алтайского края : сайт. Электрон. дан. Барнаул, 2016. URL: <http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai Terr?action=show&root=1000057&tvd=100100067795911&vrn=100100067795849®ion=22&global=1&su>*

b_region=22&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795849&type=220 (дата обращения: 10.06.2018).

10. *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999. С. 292–308.

11. *Гришина А.М.* Организационная эффективность политических партий: Теоретический аспект // Политическая наука. 2015. № 1. С. 30–37.

12. *Kirchheimer O.* The Transformation of West European Party Systems // Political Parties and Political Development. Ed. Palombara J. La, Weiner M. Princeton: Princeton univ. press, 1966. P. 177–200.

13. *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты современной России: портрет в изменившемся интерьере // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 157–177.

14. *Постоянные* депутатские объединения седьмого созыва [Электронный ресурс] // Алтайское краевое Законодательное Собрание : официальный сайт. Электрон. дан. Барнаул, 2016. URL: <http://www.akzs.ru/ksnd/unions7/> (дата обращения: 10.06.2018).

15. *Постоянные* депутатские объединения АКЗС шестого созыва [Электронный ресурс] // Алтайское краевое Законодательное Собрание : официальный сайт. Электрон. дан. Барнаул, 2011. URL: <http://www.akzs.ru/ksnd/unions6/> (дата обращения: 10.06.2018).

16. *Beume K.V.* Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party States // Government and Opposition. 1996. Vol. 31, № 2. P. 135–159.

17. *Литов А., Сейд П.* Политические партии в электронный век // Государственная служба за рубежом. Будущее партий. М., 2000. С. 95–101.

18. *Институциональное доверие* [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады : сайт. Электрон. дан. М., 2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/10/12/institutionalnoe-doverie-3/> (дата обращения: 10.06.2018).

19. *Соловьев А.И.* Российские партии в условиях медиакратии // Политическая и партийная система современной России. М., 2009. С. 61–70.

20. *Коргунок Ю.Г.* Концепция размежеваний и факторный анализ // Полития. 2013. № 3. С. 31–61.

21. *Коргунок Ю.Г.* Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения // Политическая наука. 2017. № 1. С. 90–119.

22. *Ахременко А.С.* Социальные размежевания и структуры электорального пространства России // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 80–92.

23. *Кислицына И.С., Кислицын С.А.* Сайты политических партий – каковы перспективы?: Анализ партийных интернет-коммуникаций в период избирательных кампаний 2007–2012 гг. // Политическая наука. 2013. № 1. С. 209–231.

Yaroslava Yu. Shashkova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: yashashkova@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 189–199.

DOI: 10.17223/1998863X/47/20

TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN PARTY SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL TRENDS OF POLITICAL PARTIES' GENESIS

Keywords: party system; Russia; party change; elections; functions of parties.

The year 2019 will be significant for the Russian party system. Firstly, nearly 30 years ago, Article 6 of the USSR Constitution was abolished, which formally created the basis for the modern Russian multi-party system. Secondly, 2019 is the termination time for the seven-year period set for new political parties, formed on the basis of changes in the Law on Political Parties of 2012, to become active political actors. In this connection, there is a need to evaluate the past period, to answer the interrelated questions: What is the state of the Russian party system? What is its configuration? Will it be affected by the elimination of some parties? Though political parties had existed in Russia before, the formation of the modern party system was part of the import of institutions. The work and role in society of Western political parties of that time were undergoing dramatic changes, which could not but tell on the Russian parties. Given this, the state of the Russian parties is analyzed in the context of the world trends of “party change”, their model in the semantic space of Russian politics, and the alignment of parties’ political forces. Particular attention is paid to the potential of the staff and features of the Russian parties’ work at the regional level because it is a criterion for assessing parties’

activities and for forming electoral preferences for the majority of citizens. In addition, internal processes in the Russian parties, especially in those formed after 2012, are most noticeable at the regional level. The structural dynamics of the Russian political parties was divided into three periods according to the analysis mentioned above: (1) years 1991–2001, (2) years 2001–2012, (3) year 2012 and on. It is remarkable that the reduction in quantitative requirements increased the number of organizations registered but did not influence the structure of major political parties. The survey of the role of political parties in the social and political life in Russia has proved the conclusions of foreign political experts about the following functions of political parties: (1) persisting functions; (2) formally persisting functions with a changed content; 3) functions abandoned by parties in modern time and never performed in the post-Soviet Russia. In conclusion, a four-level pyramid-type model of the Russian party system is introduced together with the forecast of its stability for the nearest future under the probability of dramatic outer changes.

References

1. Panebianco, A. (1988) *Political Parties: Organization and Power*. New York: Cambridge University Press.
2. Kats, R.S. & Meir, P. (2010) Kartel'naya partiya: vozvrashchenie k tezisu [Cartel party: a return to the thesis]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 4. pp. 77–112.
3. Ignatsi, P. (2010) Partii i demokratiya v postindustrial'nyu eru [Parties and democracy in the post-industrial era]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 4. pp. 49–76.
4. Carty, K. (2004) Parties as Franchise System: The Stratarchical Organizational Imperative. *Party Politics*. 1. pp. 5–24. DOI: 10.1177/1354068804039118
5. Lawson, K. (2010) Novyy podkhod k sravnitel'nomu issledovaniyu politicheskikh partiy [A new approach to the comparative research of political parties]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 4. pp. 29–48.
6. Ishay, E. (2006) Politicheskie partii Izrailya v epokhu glubokikh peremen: proverka teorii irelevantnosti [Israel political parties in an era of profound change: testing the theory of irrelevance]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 81–101.
7. Anon. (2005) *Altay – 2004: vybory v kraevye organy gosudarstvennoy vlasti* [Altai–2004: Elections to the regional government bodies]. Barnaul: Azbuka.
8. The Altai Territory Election Commission. (2016a) *Svedeniya o kandidatakh, vydvinytykh po odnomandatnym (mnogomandatnym) izbiratel'nyim okrugam. Vybory deputatov Altayskogo kraevogo Zakonodatel'nogo Sobraniya sed'mogo sozyva* [Information about candidates nominated for single-mandate (multi-mandate) constituencies. Elections of deputies of the Altai Territory Legislative Assembly of the Seventh Convocation]. [Online] Available from: http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai Terr?action=show&root=1&tvd=22220001271939&vrn=22220001271939&ion=22&global=&sub_region=22&prver=0&pronetvd=0&type=220&number=1. (Accessed: 10th June 2018).
9. The Altai Territory Election Commission. (2016b) *Svedeniya o kandidatakh, vydvinytykh po odnomandatnym izbiratel'nyim okrugam. Vybory deputatov Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii sed'mogo sozyva* [Information about candidates nominated for single-mandate constituencies. Elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of Russia, the Seventh Convocation]. [Online] Available from: http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai Terr?action=show&root=1000057&tvd=100100067795911&vrn=100100067795849&ion=22&global=1&sub_region=22&prver=0&pronetvd=0&vbid=100100067795849&type=220. (Accessed: 10th June 2018).
10. Castells, M. (1999) Mogushchestvo samobytnosti [The power of identity]. In: Inozemtsev, V.L. (ed.) *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New Post-Industrial Wave in the West]. Moscow: Academia. pp. 292–308.
11. Grishina, A.M. (2015) Organizational effectiveness of political parties: theoretical aspects. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 30–37. (In Russian).
12. Kirchheimer, O. (1966) The Transformation of West European Party Systems. In: Palombara, J. La & Weiner, M. (eds) *Political Parties and Political Development*. Princeton: Princeton University Press. pp. 177–200.
13. Gaman-Golutvina, O.V. (2004) Regional'nye elity sovremennoy Rossii: portret v izmenivshemsya inter'ere [Regional elites of modern Russia: a portrait in a changing interior]. In: Soloviev, A.I. (ed.) *Politicheskaya nauka v sovremennoy Rossii: vremya poiska i kontury evolyutsii* [Political science in modern Russia: the time for search and the contours of evolution]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. pp. 157–177.

14. The Altai Territorial Legislative Assembly. (2016) *Postoyannnye deputatskie ob"edineniya sed'mogo sozyva* [Permanent deputy associations of the seventh convocation]. [Online] Available from: <http://www.akzs.ru/ksnd/unions7/>. (Accessed: 10th June 2018).
15. The Altai Territorial Legislative Assembly. (2011) *Postoyannnye deputatskie ob"edineniya AKZS shestogo sozyva* [Permanent deputy associations of the Altai Territorial Legislative Assembly of the sixth convocation]. [Online] Available from: <http://www.akzs.ru/ksnd/unions6/>. (Accessed: 10th June 2018).
16. Beyme, K.V. (1996) Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party States. *Government and Opposition*. 31(2). pp. 135–159. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1996.tb00601.x
17. Lipou, A. & Seid, P. (2000) Politicheskie partii v elektronnyy vek [Political Parties in the Electronic Age]. In: *Gosudarstvennaya sluzhba za rubezhom. Budushchee partiy* [Public Service Abroad. The Future of the Parties]. Moscow: Russian Academy of State Service. pp. 95–101.
18. Levada-Tsentr. (2017) *Institutsional'noe doverie* [Institutional trust]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/>. (Accessed: 10th June 2018).
19. Soloviev, A.I. (2009) Rossiyskie partii v usloviyakh mediakratii [Russian parties under mediocracy]. In: Lysenko, V. (ed.) *Politicheskaya i partiynaya sistema sovremennoy Rossii* [Political and Party System of Modern Russia]. Moscow: Nauchnyy ekspert. pp. 61–70.
20. Korgunyuk, Yu.G. (2013) Concept of Cleavages and Factor Analysis. *Politiya – Politeia*. 3. pp. 31–61. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2013-70-3-31-61
21. Korgunyuk, Yu.G. (2017) Elections by a proportional system as a mass public opinion poll. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 90–119. (In Russian).
22. Akhremenko, A.S. (2007) Sotsial'nye razmezhvaniya i struktury elektoral'nogo prostranstva Rossii [Social delimitations and structures of the electoral space of Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 4. pp. 80–92.
23. Kislitsyna, I.S. & Kislitsyn, S.A. (2013) Sayty politicheskikh partiy – kakovy perspektivy? Analiz partiynykh internet-kommunikatsiy v period izbiratel'nykh kampaniy 2007–2012 gg. [Political party sites – what are the prospects? Analysis of the party Internet-communications during the election campaigns of 2007–2012]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 209–231.